

Artykuły, rozprawy*Статьи, публикации***Евгений В. Глебов**

Институт философии и права СО РАН

**Трансформация образа Рима у Тита Ливия –
Н. Макиавелли – на Руси XVI века***Transformacja opisu Rzymu przez Tytusa Liwiusza – N. Machiavelli na Rusi w XVI wieku***Образ Римской республики в трудах Тита Ливия
и Н. Макиавелли**

Традиционно считается, что первой формулой толерантности была максима «нести ни эллина, ни иудея». Действительно, здесь сравнивается эллинская, по сути, евроазиатская, культура и религиозная иудейская национальная парадигма. За обоими разнопорядковыми сущностями, замыкающими собой область познавательных интересов и поведенческих программ включенных в них индивидуумов, не признаётся право на доминирование даже над этими индивидуумами. С учетом метафоричности высказывания и контекста можно полагать, что победившее в Римской империи христианство в дальнейшем апеллировало именно к толерантности. Причем, не к религиозной, а как средству преобразования социальной действительности. Видимо, это было одним из факторов успеха принятия христианства «варварскими» народами. Пока «толерантная программа» не вытеснялась идеей превосходства и единственной верности христианского мироустройства, крещение проходило относительно мирно. Одним из последних успехов этой программы было крещение Руси. Последовавшее вскоре крещение Скандинавии и Прибалтики уже проводилось «огнём и мечом». Возрождение толерантно-

сти и оформление её в идеологию традиционно относят к эпохе Просвещения. Завершённый вид эта идеология приобретает у французских и американских (Торо, Франклин) просветителей. Считается, что отточенную формулировку идеологии толерантности дал Вольтер. Последующая история рассматривается как более или менее успешное распространение идеологии толерантности, настоятельная необходимость которой вызывается ростом интеграции мира и глобализации существующих проблем. В частности, временных и системных границ этой схемы придерживались большинство докладчиков и участников конференции, специально посвящённой этим вопросам: «Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт», подробнее см. [1].

На наш взгляд, изложенная схема не полна. Она не содержит ключевых этапов, понимание которых важно для анализа идеологии толерантности и формирования поведенческих толерантных программ. Становление, развитие и оформление **первого уровня** толерантности (внутри гражданского общества, одной культуры) в отличие от **второго уровня** (толерантности к другим культурам) проходило в период Римской республики. Лучший источник для нашей темы – книги Тита Ливия по следующим основаниям: они наиболее сохранились из исторических анналов римской истории; в них систематически в хронологической последовательности излагаются события интересующего нас периода; Ливий не искажает историю в угоду своей авторской позиции, в случае противоречия версий даёт их сводку; авторская позиция в его книгах ясна, и при необходимости может быть элиминирована без ущерба для понимания хода событий. К тому полный русский перевод [2] прокомментирован весьма тщательно, содержит все необходимые отсылки к работам других римских и греческих историков, сделаны современные уточнения изложенного с учётом археологических, исторических, экономических, компаративистских и т.п. новейших исследований, сверен с полными немецкими и английскими переводами.

Римская республика была милитаристским государством и долгое время не ценила никакое искусство, кроме военного. Римляне активно искали поводы к войнам, их экономика зависела от притока военной добычи, их религия отдавала первенство богам войны, мощи, доблести (в первую очередь военной). Однако внутри государства (включая недавно завоёванные территории) они стремились к максимальному согласованию интересов всех слоёв и групп граждан, ревниво следили за соблюдением баланса сил и избегали доминирования какой-либо одной идеи. Такая внутренняя политика обеспечила успех агрессивной внешней политики. На своём и чужом опыте римляне убедились: отсутствие внутривнутриполитической толерантности приводило в те времена государства к быстрому краху. Опираясь на

труд Ливия, легче описать становление толерантности в структуре государства и юридических процедурах, поскольку экономическим и культурным процессам он (согласно представлениям своего времени) уделяет меньше внимания.

В первой декаде (принято делить книги Ливия на десятки) изложена борьба плебса за право иметь своих представителей в структурах власти, за право сначала законодательной инициативы, затем отлагательного вето, и, как результат, принятие закона, по которому окончательное решение по любому вопросу выносится народным голосованием. В современной терминологии – плебеи добились создания института референдума, итоги которого – закон прямого немедленного действия. Вынести любой спорный вопрос на голосование мог любой из нескольких десятков должностных лиц. Причем в Риме любые сходки без присутствия должностных лиц считались незаконными, и разгонялись только по этой причине. Современная Швейцария (в которой проходят два-три референдума каждое воскресенье) лишь приближается к этой форме прямой демократии. В большинстве других стран власть народа сильно ограничена. Разумеется, внутриполитическая толерантность установилась не сразу и без раздоров, как показано в дальнейших книгах Ливия. Но в борьбе использовались ненасильственные средства. Максимальным средством воздействия были дважды случившиеся сецессии – уход плебеев из города, оставлявшие «начальство» без народа, и заставлявший обе стороны искать взаимоприемлемый компромисс. Установилась система правления, при которой предварительное обсуждение законопроектов в сенате было правовым обычаем, вместе с тем юридически суверенитетом обладал именно римский народ. Известны примеры действий магистратов (общее название должностных лиц) в обход сената, непосредственно через народное собрание (например, см. [2, кн.31, гл.63, §2; кн.38, гл.36, §8]). Известен даже единственный, случай, когда претор, минуя консула, которому был непосредственно подчинён и по обычаю не имел права апеллировать «через инстанцию», созвал народное собрание, в чьей компетенции и находилось объявление войны, пытаясь преодолеть таким образом нежелание консула ее объявлять [2, кн. 45, гл. 21, §§1–8].

Важный фактор общей внутриримской толерантности – религиозная толерантность. Она заключалась в уважении всех культов, даже вражеских. Один из показателей такого отношения служит то, что римляне не облагали чужие храмы и жрецов налогами. Свои храмы облагались символическим налогом (уплата путём удара медной монетой о весы), а свои жрецы, как частные граждане, платили налоги на общих основаниях. Религиозные репрессии в период существования республики зафиксированы

один раз, против культа Вакха. В современной терминологии это типичная тоталитарная секта, практиковавшая разврат с участием несовершеннолетних и человеческие жертвоприношения. К тому современные комментаторы Ливия полагают, что дело осложнялось участием почитателей Вакха в политической борьбе в качестве наёмных убийц. Именно поэтому дело получило статус «государственных преступлений», за которые назначалась смертная казнь. И все же несмотря на то, что в ходе Пунических войн (особенно после Второй), можно зафиксировать тенденцию отхода римской массовой психологии от толерантности, культ Вакха после казни или изгнания примерно 7 тысяч доказанных убийц, каннибалов и отравителей, не был запрещён, а лишь ограничен: отправлять его стало дозволяться лишь зарегистрированным группам (ранее сама идея юридической регистрации поклонников того или иного культа была чужда римской этике и социальной практике) числом не более 5 человек с запрещением участия несовершеннолетних. На наш взгляд, такое отношение даже к тоталитарной секте вполне толерантно. Лишь гражданские войны в Риме (современные историки не включают в период гражданских войн предшествовавшие им массовые восстания рабов, чем явно или неявно присоединяются к рабовладельческому менталитету), в ходе которых, как я показал ранее, всегда ускоряется формирование другой культуры (подробнее см. [4]), привели к вспышкам массовой нетерпимости – политической, бытовой и религиозной. Например, наблюдались факты грабежей чужих храмов для украшения собственных.

Макиавелли, изучая римскую и греческую историю, выбрал книги Ливия как наиболее достоверный источник, обладающий теми достоинствами, о которых говорилось выше. При построении своей концепции государства, опирающегося на толерантность, он абстрагировался от теории «упадка нравов» как идеологической программы книг Ливия. Подчеркнем, что толерантность предложенного Макиавелли социального проекта осознавать в полной мере затруднительно, если «Государя» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» не изучать как единое целое – в обоих трактатах едины тематика, метод, стиль, в том числе литературный. Сам Никколо дал ясно понять, что он считает «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государя» тесно связанными.

Макиавелли, по-своему оценивая римскую историю, отрицал эмоциональную сторону работы Ливия, и даже прямо противопоставлял свою позицию позиции Тита Ливия. Более того, в приводимой далее цитате видно, что там, где Ливий (и многие другие) видит лишь историю одного народа, Макиавелли извлекает урок толерантности для любых народов: «Если хорошо вникнуть в результат этих смут, то мы увидим, что они никогда не вызвали насилий и изгнаний в ущерб общему благу, а всегда устанавли-

ливали законы и порядки для пользы общественной свободы. Быть может, кто-нибудь скажет: не странно ли, однако, не дико ли видеть, как народ всей толпой вопиёт против Сената, Сенат против Народа, как толпы шумно бегают по улицам, запирают лавки, бегут из Рима – всё это ужасает даже при чтении... Желания народов свободных редко вредят свободе, потому что возбуждаются или угнетением, или подозрением, что их желают угнетать» [3, стр. 162]. Для Макиавелли также не существует особых религий. Для него это не особые выделенные сущности, а равноправные среди других социальные институты, так что отношения нетерпимости для Макиавелли неприемлемы. Например: «всякая религия, всякая республика и государство имеют в основании своём что-нибудь хорошее, потому что иначе не могли бы подняться и утвердиться» [3, стр. 395]. Разумеется, Макиавелли не встаёт на морализаторские котурны, с которых так любили и любят до сих пор вещать многие реформаторы и утописты, и которые, как он прекрасно знает, в действительности ложны: «я не хочу утверждать, что никогда не следует прибегать к оружию и силе, но я утверждаю, что к ним следует обращаться только в крайности, когда все прочие средства окажутся недействительными» [3, стр. 358]. Следует признать, что в мире, до сих пор не свободном от нетерпимости и крайнего насилия, это есть максимальная формула реалистичной толерантности, то есть **второго уровня** толерантности. Недаром самая последняя глава работы Н. Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» называется «Республика, желающая сохранить свою свободу, должна постоянно прибегать к новым мерам». Основным примером в ней, подводящим итог всей книги, служит именно разгром тоталитарной секты Вакха. Это пример удачной меры сохранения спокойствия и терпимости (в том числе религиозной) в справедливой республике.

Таким образом, история становления и развития толерантности длительнее и многограннее, чем принято считать. В этой истории образы Римской республики, созданные Титом Ливием и Н. Макиавелли, играют важную роль.

Анализ русской политики в трудах и деятельности Макиавелли

В трудах Н. Макиавелли всегда стремились обнаружить массу фактических ошибок – весьма эффективный приём критики не только для борьбы за компетентность научных работ, но и способ опровергнуть концептуальные построения автора, если даже критикуемые факты ему были нужны лишь для иллюстрации отдельных положений и их значение в общем содержании данной работы несущественно. Чем подробнее вникаешь в рабо-

ты Н. Макиавелли, тем чаще убеждаешься: суждения, представленные как «ошибки» Макиавелли, таковыми не являются; они адекватны исторической, фактической, логической ситуации; и либо не являются ошибками, либо критика исходит из собственной (а не макиавеллевской) интерпретации.

Рассмотрим пример, который автор данной работы вначале считал явной погрешностью против истины, проявлением слабого знания фактической стороны дела, утешая себя тем, что такая ошибка извинительна, поскольку европейцы в этот период были слабо знакомы с ситуацией на Руси и вокруг неё: «До сих пор из Скифии происходят великие движения Татар, но их отражают Венгры и Поляки, которые справедливо хвалятся, что без них Италия и Церковь испытали бы тяжесть татарских орд. Полагаю, что сказанного об этом достаточно» [3, стр. 320]. Речь идёт именно о Руси, о чём можно судить не только потому, что таково было привычное европейское восприятие русских. Например, гораздо позже Олеарий использует «Московию», «Скифию», «Гиперборею» как синонимы, а Джамбатиста Вико [12] и в XVIII веке не различал Скифию и Гиперборею, хотя Московского царя (к тому времени на самом деле императора России) от Татарского хана всё-таки отличал. Как правило, Макиавелли всегда придерживался названия, наиболее доступного читателям. В данном случае чуть выше Скифия названа «страной холодной и бедной» [3, стр. 319]. Значит, речь идёт не о теплом Причерноморье, с которым итальянцы были хорошо знакомы, даже имели колонии, например, генуэзцы Кафу в Крыму, а венецианцы Таны-Азак (ныне Азов), через которые отправляли караваны не в Китай и во владения Тевтонского ордена через Москву. Известно, что итальянские наемные пехотинцы участвовали в Куликовской битве на стороне Мамаю. Правда, современные исследования [10, 11] показывают, что их было не более 1000 человек, что не сыграло военной роли, но достаточно для того, чтобы военно-политическое руководство итальянских государств имело представление об этом театре военных действий. Однако если вспомнить, что текст описывает современную Макиавелли ситуацию, то есть 1510-е гг., то здесь кажется неверным всё, а не только самоназвание Московского великого княжества: простое обращение к ведущим и общедоступным источникам (например [6, 7, 8]) опровергает Макиавелли в каждом пункте. Согласно им, к этому моменту Русь уже освободилась от татаро-монгольского ига в 1480-ом году, и её «движения» никак не могли называться татарскими. О какой-либо агрессивной политике в сторону Запада тоже говорить не приходится: 1-я, 2-я и 3-я войны Руси (а не татар) с Литвой в XVI веке (1501–1522 гг.) были продолжением русско-литовских войн XIII, XIV и XV веков, и шли из-за того, кто будет осуществлять гегемонию над восточнославянскими народами. Эти войны шли между двумя

государствами, каждое из которых имело основания утверждать, что оно является наследником Древней Киевской Руси, и именно это и утверждало в своей внешнеполитической пропаганде. Следовательно, не было никаких формальных оснований говорить даже о скрытом стремлении на Запад. Более того, формально-юридически для Московского великого княжества эти войны были оборонительными, не говоря о том, что фактически велись за освобождение захваченных ранее Литвой русских территорий. Значит, если правы энциклопедии, хронологические справочники и учебники, следует полагать, что Макиавелли в данном случае уходит от обычного для него учёта юридической стороны ответственности как важнейшей при определении агрессора и поддаётся эмоциям, достаточно типичным для западноевропейской психологии последнего тысячелетия, заставляющим предполагать заранее, что угроза всегда исходит от диких варваров Востока. Но тогда надо дать ответ на ряд вопросов: что заставило самостоятельного мыслителя поддаться массовой фобии? что побудило его следовать общепринятому, но неверному мнению данного социума? почему логически выверенные и опирающиеся на фактическую сторону событий методы рассуждений в данном случае были отброшены Никколо Макиавелли? Конечно, при реконструкции чужой системы ценностей и мотивов поведения через полтысячи лет, мы можем лишь высказать набор гипотез, не имеющих силы объективного доказательства.

К счастью, внимательное изучение военно-исторической обстановки в Восточной Европе (если обращаться не к обзорно-энциклопедической литературе, а к трудам, дающим максимально полный обзор событий в их политической, военной и юридической связи [5]), позволяет доказать, что Макиавелли дал точное, хотя и сатирически окрашенное, описание фактической стороны событий. Непосредственно Московское великое княжество воевало с Литвой, а не с Польшей. Но согласно Кревской (1385 г.) и Городельской (1413 г.) униям и Виленскому (1401 г.) акту, юридически они считались одним государством. Доминирующей стороной была Польша (в которую Литва влилась окончательно в 1569 г. по Люблинской унии). Поэтому квалификация Польши как воюющей стороны юридически и фактически верно, поскольку согласуется с принципом международного права *pendant superior* (отвечает старший). Далее, участие венгров в этих войнах не ограничивалось участием отрядов гонведов в качестве польских и литовских наёмников. Венгрия как государство воевало с союзниками Москвы, когда они наносили фланговый удар по Литве или отступали на свою территорию, следуя при этом через польские и венгерские территории. Таким образом, венгры были фактическими участниками этих войн. При этом формальный союз одно время тоже был (польско-венгерская уния

1440 г.), но в отличие от уний с Литвой, доминантой венгерской политики был стратегический союз со Священной Римской Империей германской нации (СРИГН), в дальнейшем породивший Австро-Венгерскую империю. Интересно заметить, что император СРИГН Максимилиан I (при дворе которого Макиавелли бывал неоднократно и подолгу, и даже составил обстоятельный «Доклад о положении дел в Священной Римской империи» [3, стр. 531]) в 1514 году официально предлагал Руси разделить Польшу. Поэтому Макиавелли не утверждает, что поляки и венгры действуют в союзе, а только против общего врага. Союзниками Москвы были хан крымских татар Менгли-Гирей и казанский царь Магомед-Аминь. Их войска крупными конными массами действовали на основных операционных направлениях, пока в Казани не произошёл переворот. Магомед-Аминь, будучи свергнут, начал служить русским в качестве кондотьера (титуловали его по-прежнему, так что на службе у московского князя был царь). А поляки перекупили Менгли-Гирея (во время 3-ей и 4-й войны с Литвой в XVI веке) и он стал совершать набеги на территорию Московского княжества. Здесь важно, что титулы хана и царя выше титула великого князя. В соответствии с упомянутым принципом, с международной точки зрения (даже если война велась в интересах Москвы и на её деньги), ведущей силой, не только фактической, но и юридически более ответственной будут считаться государства, возглавляемые ханом и царём, то есть татарские государства. Закулисную и финансовую сторону войны посторонние лица, не входившие в московскую, крымскую и казанскую властную верхушку, ничего не знали. Тем более что недавно (в 1489 г.) Иван III в ответ на предложение императора СРИГН Фридриха III (формального главы большей части Западной Европы) принять общеевропейскую систему титулования и именоваться королём и даже императором, отказался «повыситься в звании», так как и без этого русские Рюриковичи наследуют кесарям Восточно-римской империи. Отказ от высшего, по их понятиям, титула, европейцы запомнили, а оговорки проигнорировали (к тому же в претензии на правопреемственность были явные хронологические натяжки), и царский титул пришлось для престижа Руси принимать Ивану Грозному в 1547-ом году. Но во время написания книг «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» было вполне правомочно считать Москву вассалом, а сюзереном – татар, и описывать именно татар в качестве активной политической силы, а «Скифию» как поле деятельности. Ведь это сейчас мы, вслед за Костомаровым, Карамзиным и Соловьёвым, приняли дату 1480 год, «стояние на Угре», как год освобождения от татаро-монгольского ига. А в начале 1500-х гг. многое было не ясно даже для Руси, а не только за границей.

Проблема в том, что история есть процесс, а преподаётся история как набор дискретных фактов. Мы зачастую склонны следовать даже не фактам, а их отштампованным названиям: «освобождение от татаро-монгольского ига» не зафиксировано на международно-правовом уровне в виде договоров или хотя бы односторонних деклараций. Оно не знаменовало собой ни разгром татарских государств, ни хотя бы прекращение нашествий татар на Москву, не говоря уж о других русских городах (последнее сожжение Москвы татарами случилось в 1571 году), а лишь обозначило окончательное укрепление тенденции на доминирование Москвы над татарами. Полная реализация этой тенденции, не говоря о международном её признании, заняла почти целый век. Лишь отдалившись во времени от этого события историки имели право выделить какой-то факт этого периода как ключевой в данной причинно-следственной связи. Однако неправомерным расширением выглядит название этого факта таким же образом, как и название всей тенденции, и подмена тенденции событием, сведение процесса к дискретному факту. В данном случае молчаливо предполагается, что Макиавелли должен следовать именно нашей интерпретации, на что современник незаконченной причинно-следственной цепи в принципе не способен. К тому же отрицается его право на собственный анализ и интерпретацию. Судить, освободилась ли Русь от ига, в то время можно было по разному, и ошибкой не является мысль о том, что к тому моменту – ещё нет.

Таким образом, Макиавелли опирался на факты, когда описывал Польшу и Венгрию как живой щит Западной Европы от нашествий с Востока. Теперь можно видеть более глубокий смысл приведённой цитаты: между Италией и Венгрией с Польшей лежат германские и австрийские земли, почему же они не упомянуты? Почему, если рухнут Венгрия и Польша, Италию неминуемо ждёт вторжение, а то и оккупация? Ведь сам Макиавелли с похвалой отзывался о неприступности германских городов и свободолюбии их жителей. Дело в том, что он писал об удачной оборонительной организации немецких городов, и знал, что при правильной стратегии, если противник будет обходить крепости и искать сражения в чистом поле, эти города не способны защищать никого, кроме самих себя. Знал Макиавелли и о политической рыхлости и чисто военной слабости СРИГН, о её всё более формальном характере, что подтвердила дальнейшая историческая судьба. Более того, в «Истории Флоренции» он характеризовал современных ему германских правителей и их войска как «варваров», не имеющих правильной и надёжной военной организации. Под такой организацией Макиавелли понимал армию, способную приносить пользу своему государству в долгосрочной перспективе, а не обычные для того времени банды наёмников (в то время слово «банда», ранее озна-

чавшее организационную форму, стало приобретать современное значение, в том числе под влиянием Макиавелли). Критике наемников он уделял особое внимание во всех работах: «Государе», «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», «Военном искусстве», «Истории Флоренции», докладах, письмах. Короли сами себя воспринимали как варваров в моральном и организационном смысле. Так, император СРИГН Карл V (он же король Испании Карл I, чьё вторжение в Италию привело к последней попытке возвращения Макиавелли к политике), о себе говорил, что «в качестве воина, ему невозможно обладать совестью и разумом» [19, стр. 238].

Последняя линия защиты в поисках «ошибающегося Макиавелли» в разбираемом примере – логико-грамматическое соединение разноуровневых терминов в одной фразе. Речь идёт о территориях и народах, и вдруг с ними в один ряд поставлена римско-католическая церковь. Как это понять? Народу и государству иностранная оккупация всегда грозит бедствиями, тогда как религиозные организации часто мирно уживаются с оккупантами (вспомним, что секта Вакха больше века благоденствовала в римской республике). А веротерпимость монголо-татар общеизвестна, особенно хорошо – католической церкви после отчётов Плато Карпини, Рубрука, Марко Поло и других путешественников. Поэтому, казалось бы, никого Макиавелли напугать не мог, и ему бы быстро указали на ошибку, причём те самые люди, которым он посвятил свою книгу. Именно разбор этого противоречия даёт возможность выявить глубину социально-философского анализа в построениях Макиавелли, понять трудности, которые ему приходилось преодолевать. И уяснить причину, по которой (если не брать главные работы Макиавелли в комплексе, не вникать в текст и не анализировать даже умолчания) работы Макиавелли полны «ошибок».

Отношение Н. Макиавелли к римской курии, институту папства и самим папам известно: он им в глаза говорил и свои работы вручал, в которых постоянно проводится мысль о том, что вина за многие проблемы Италии должна быть возложена на них. «Дурные примеры римского двора совершенно уничтожили всякую набожность и религиозность в нашей стране, отсюда прямо происходит множество неудобств и беспорядков, потому что где существует религия, там верят добру, где её нет, там верят противоположному» [3, стр. 191], «Опыт быстро раскрыл бы истину во всём свете, если бы можно было послать римский двор в страну швейцарцев с той же властью, какой он пользуется в Италии. Из всех современных народов Швейцарцы больше всех похожи на древних как в религиозном, так и в военном отношении, но и там жалкие нравы этого двора в непродолжительном времени возбудили бы больше беспорядков, чем в какое угодно время всякое другое несчастье» [3, стр. 192]. Поскольку невозможно провести строго разделение курии и церкви, церкви и религии, религиозной

практики и религиозной идеи, постольку осуждение церковников автоматически осуждает церковь и религию. Так это понимали в Риме, обращая внимание на негативные, осуждающие их деятельность и идеологию суждения Макиавелли. Мы тоже приучены понимать его как противника христианства. Но ведь тогда Макиавелли должен был радоваться возможности прихода татар в Италию и желать им победы над поляками и венграми! Значит надо принимать его беспокойство за церковь как ироническое, что согласуется с насмешливым характером Макиавелли. В этом случае выражение «Венгры и Поляки, которые справедливо хвалятся...» носит издевательский характер. Тем более что в период 1490–1510-х гг. события военной истории подтверждают – в боях с казанцами и крымцами литовцы, поляки и венгры в основном терпели поражения.

Следует все же признать, что отношение Н. Макиавелли к религии было далеко не однозначным. Он был против католической церкви, христианского смирения, симонии и лжи, но вовсе не против существования в государстве религии и церкви. Это видно даже в ранее приведенных цитатах. Если собрать и проанализировать его позитивные требования, изложенные в «Государстве» и диалоге «О военном искусстве», то Макиавелли признавал полезность религии при следующих условиях: религия должна быть национальной, служить проводником государственных интересов, церковь должна возвеличивать героев, согласовывать свои действия с долгосрочными национальными интересами и государственной политикой. Католицизм этим требованиям не соответствовал. Протестантизм, возникший при жизни Макиавелли (но после написания его основных работ как предмета нашего анализа) мы не учитываем, поскольку он только складывался. Флорентийский платонизм тоже претендовал на роль религии гуманистов (и многие современные исследователи его так и расценивают). Но был противен Макиавелли, который при необходимости переступал через личные интересы. Платонизм не имел влияния в народе и не был способен его обрести, оставался увлечением высокообразованных людей.

Таким образом, в поисках религии, отвечающей национальным интересам итальянцев и соответствующей толерантным принципам предлагаемого государственного устройства, Макиавелли должен был выйти за пределы Западной Европы как территории католицизма. Значит, его интерес к ситуации в Восточной Европе вполне объясним.

В поисках «другого Рима»

Считается, что альтернативу католицизму Макиавелли видел в древнеримском язычестве. Действительно, при поверхностном чтении его трудов

бросается в глаза, что он показывает преимущества религии древних римлян перед католицизмом. Но если читать внимательно, он нигде не предлагает заменить христианство язычеством. Ведь именно этот путь опробовали последователи Г. Г. Плифона, флорентийские платоники, противники Макиавелли. Уже к началу 1500-х гг. стало ясно, что язычество не решит задачу национального возрождения Италии. Макиавелли рассматривал древнеримскую религию как пример, аналогию, доказательство возможности существования религии, которая служит национальным, государственным интересам, причём как пример, годный для своего времени. Он не утверждал, что именно эта религия годится для современной ему Италии. Обращал внимание читателей на функциональное сходство римской «религии доблести» с ожидаемой религией национального единения, и на функциональную непригодность католицизма для этих целей. Но заменить одно другим не предлагал.

Основная причина в том, что древние римляне и итальянцы – это два разных народа. В первых книгах «Истории Флоренции» Макиавелли подробно показывает, как на месте римлян возникли итальянцы, и доказывает, что это другой народ. В «Государе» он также несколько раз пишет об этом, и называет их по-разному (хотя древних и современных галлов везде именуется французами по принципу преемственности). Такой преемственности между народом Римской республики, империи и Италии нет. Национальной религией Италии стало христианство. Но римская католическая церковь приносит Италии одни только беды: «Народы, наиболее близкие к римской Церкви, главе нашей религии, оказываются наименее религиозными. Если взглянуть на основные начала христианства и посмотреть потом, во что их обратили теперь, то нельзя сомневаться, что мы близки или к гибели, или к наказанию» [3, стр. 190].

Однако и возвращение к основам христианства не решает проблемы (по мнению Макиавелли, программа протестантизма является ущербной): «Наша религия полагает высшее благо в смирении, в презрении к мирскому ... если и желает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Это новое учение, как кажется, обессилило мир и предало его в жертву мерзавцам» [3, стр. 303]. Где же находится христианство, которое «допускает стремление к возвышению и ограждению отечества ... позволяет любить и почитать отечество и готовить себя служить ему защитником» [3, стр. 303–304]? Чем заменить римскую церковь, если религия древнего Рима не может быть возрождена? Где искать аналог древнего Рима для того, чтобы современный Рим мог его принять? Если даже в наше время, после 500 лет развития толерантности второго уровня - высокой терпимости к чужим идеям – я не решился дать ответ без предварительной подготовки, то Макиавелли тем более не мог сказать: Московская патриархия тогда испове-

довала и проповедовала ту форму религии, которая соответствует требованиям Макиавелли. Всё, что ультралибералы ставят ей в вину [13, стр. 140–158]), соответствует его представлениям, какой должна быть религия: канонизация воинственных князей и иноков, благословляющих на битву, помощь в собирании державы «под руку» Великого князя (затем царя), претензии на идейную преемственность от Древнего Рима и т.д. Всё это позволяет предположить, что именно поэтому Макиавелли закончил главу о событиях в Восточной Европе неожиданным образом: «Полагаю, что сказанного об этом достаточно». Больше нигде в его работах нет такого внезапного обрыва мысли. При любом сокращении обсуждения какой-либо темы он делает отсылку к другим своим книгам, где подробно обсуждал эту тему ранее, и после отсылки всё равно даёт пояснения. Единственная глава из 159-ти в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» оканчивается внезапно, причём она далеко не самая длинная и трактует не самый напряжённый вопрос. Несомненно, здесь отсылка в знаменитому римскому «Sapientī sat».

Против моей гипотезы восстают историографические представления об отсутствии творческих обменов в период 13-го – 16-го вв. между Западной Европой и «Московией». В либеральной форме традиция признаёт, что небольшие культурные и технологические заимствования были, но только в направлении Москвы. В обратную сторону никто и не мыслил, поскольку кроме сырья в Москве ничего ценного для Европы не было. Европейцы это знали заранее, поэтому некоторые приезжали учить москвитов, а остальные и думать не могли о заимствовании на Руси культурных инноваций. В рамках этой парадигмы наиболее «невъездной» была информация о православной церкви. Забавно, что такой точки зрения придерживаются западные и отечественные исследователи, в том числе последователи совершенно различных школ Б.А. Рыбакова, Д.С. Лихачёва, Я.С. Лурье, Л.Н. Гумилёва.

Бич нашего времени – предвзятые мнения и узкая специализация. Люди, которые придерживаются упомянутой парадигмы, отыскивали, задокументировали, исследовали и опубликовали (каждый в отдельности) такие факты, которые проделали в ней большие бреши. Через них пройдёт не только пара батальонов «чёрной генуэзской пехоты», но и «косой боевой порядок» Фридриха Великого. Только один пример, хотя о каждом из упомянутых четырёх веков можно написать книгу, составленную из таких примеров. В 1525-ом г. итальянский писатель Паоло Джовио (Павел Иовий Новокамский), историограф папы Климента VII, беседуя с дипломатическим курьером из Московии, и видимо, желая поразить достижениями Запада, рассказал ему о кругосветном путешествии Магеллана

(1519–1521), на что гонёц, вероятно, скромно потупившись, сообщил, что он, Дмитрий Герасимов, недавно перевёл для государя Василия IV письмо Максимилиана Трансильвана (секретаря императора Карла V), в котором это путешествие описано (1-е издание, на латинском языке, вышло в Кёльне в 1523 г.) [14]. Джовио не замедлил издать «Книгу о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII», в которой со слов Герасимова дал описание Московии, включая мысль о том, что если от Северной Двины плыть по морю у правого берега, можно достичь Китая. Картограф Батиста Аньезе составил в 1525 г. одну из первых карт России. Некоторые исследователи полагают, что источником карты Аньезе послужила русская карта Герасимова [15]. В свете этого надо пересмотреть утверждение: до посольства Петрова и Ялычева (1567 г.) при московском дворе о Китае ничего не знали.

Поэтому единственная трудность – ответ на вопрос: мог ли Макиавелли иметь информацию о московских делах, в том числе о ее церкви? Ранее я показал (см. [16]), что люди из окружения Н. Макиавелли попали в Москву (например, Максим Грек). Есть доказательства и того, что флорентийский секретарь был знаком с человеком, располагавшим информацией по интересующему нас вопросу. Этот человек влиял на политический и культурный процесс на Руси, проповедуя греко-римскую унию (сохранились полемические выступления М. Грека против этого).

Профессор теологии и медицины Николай Бюлов, чья биография описана Н. Ангерманом [17], впервые прибыл в Россию в 1490-ом г. в составе посольства Георга фон Турна, и остался при дворе архиепископа новгородского Геннадия, где за значительное вознаграждение занимался составлением новой пасхалии. Около 1504 г. он поступил на службу к папе римскому Юлию II в качестве врача и астролога, где, по сведениям Д.Б. Миллера [18] (чья работа вся «парадигмальна»), познакомился со многими известными людьми Италии, включая Макиавелли. По неясным для историков причинам он покинул Юлия II около 1508 г. (видимо, ответ можно найти у Макиавелли: «Папа Юлий II, который воспользовался славой щедрости, чтобы добиться папства, потом и не думал держаться за неё», см. «Властитель», гл. 16), и стал придворным врачом у Василия IV. Биография его была бурной. Он много переводил, участвовал в полемике с М. Греком и «старцем» Филофеем, общался с Ф. Карповым, которого историки традиционно именуют боярином (его должность соответствовала министру иностранных дел), присутствовал при кончине своего пациента, потом перевёл первый на Руси иностранный медицинский трактат... Но для нашей темы важно, что в первый свой приезд он много узнал о русских и церковных порядках. А во второй приезд в Россию начал проповедовать греко-латинскую унию, за что и пострадал.

Таким образом, предложение Макиавелли о подлинном, а не узкокультурном, Возрождении Италии, было комплексным: он описал тип государственного устройства, порядок и систему правления, организацию и состав вооружённых сил и обрисовал (умолчанием по цензурным соображениям, перебрал и доказательно отбросив все другие варианты) достойную и подходящую религиозную систему для этого государства. Пока не известно, предпринял ли он практические шаги для претворения в жизнь «обратной унии» (не католическо-православной, как на 8-ом Ферраро-Флорентийском соборе, а православно-католической), или не стал форсировать события, пока не будет создана народная армия – ключевое звено предложенной им политической системы. Надеемся, дальнейшие исследования прояснят этот вопрос.

Литература

1. Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. Ч.1,2. Екатеринбург, 2000
2. Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1994, тт. 1–3
3. Никколо Макиавелли. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998
4. Глебов Е.В. Война как объект социально-философского анализа в период позднего Ренессанса. // Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Новосибирск, 1999
5. Похлёбкин В.В. Внешняя политика Руси, России, СССР за 1000 лет, тт. 1,2. М., 1995 г.
6. Лурье Ф.М., Российская и мировая история в таблицах, Л., 1995
7. Историческая энциклопедия, тт. 1–15, М, 1965–1976 гг.
9. Советская военная энциклопедия, М., 1968–1976 г.
10. История военного искусства. М., Воениздат, 1986
11. Горелик М. Куликовская битва 1380 г. Русский и золотоордынский войны. // Цейхгауз № 1, М., 1996
12. Abranson E. La vie l'un legionnaire. Paris, 1978
13. Вико Дж. Основания Новой науки. М. – Киев, 1994
14. Сидоров М. Несостоявшаяся русская Реформация // Двадцать два. № 113, Иерусалим, 1999
15. Казакова Н.А., Катушкина Л.Р. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, Л., 1968, т. 23, с. 240–252
16. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974, стр. 70–84
17. Глебов Е.В. Социально-философские взгляды Макиавелли как оппозиция платонизму. // Труды XXXVII Международной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”. Новосибирск, 1999, стр. 147–153

18. Angermann N. Neues uber Nicolaus Bulow und sein Wirken im Moskauer Rusland // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, 1969, N. F., Bd 17, H. 3, s 408–419
19. Miller D.B. The Lubeckers Bartolomaus Ghotan and Nicolaus Bulow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture // Viator, 1978, vol. 9, p. 395–412
20. П. Гольбах «Галерея святых», М., 1962

Według autora, Machiavelli w swojej całościowej propozycji odrodzenia kulturowego Włoch odwoływał się do prac Tytusa Liwiusza. Opisał on typ ustroju państwa, tryb i system rządów, organizację oraz strukturę militarną. Naszkicował również (pomijając, ze względów cenzuralnych inne wyznania religijne) system religijny dla tego państwa. Wyraził przypuszczenie, że Machiavelli za taką religię uważał prawosławie.

The Sentence Machiavelli about authentic, rather than narrow-cultural, Rebirth to Italia, was complex: he has not only described the type state device, order and system of the rule, organization and composition of armed power, but also has described (the default on censorship considerations, having sorted and by prove having rejected all other variants) meritorious and suiting religious system for this state. The Author supposes that such religion Machiavelli considered the orthodoxy.